

смысл, являясь большим шагом вперед в направлении научного социализма.

В чем состоят основные сильные и слабые стороны социалистических доктрин революционных демократов стран Азии и Африки?

Идейно-политические программы современной революционной демократии возникли в основном под влиянием идей научного социализма и в ряде аспектов следуют за ними. Они, эти программы, формулируют пути радикального решения экономических, социальных и политических задач. Их главными целями являются отказ от капиталистического пути развития и выбор социалистической перспективы, ликвидация эксплуатации в любой форме, утверждение государственной собственности на все средства производства, государственное планирование, изменение государственного строя в интересах трудящихся. Их важной особенностью является ориентация на мировую социалистическую систему, учет в той или иной мере ее опыта и роли в современном мире.

Вместе с тем в этих программах имеются значительные элементы субъективной социологии и идеалистических взглядов на общественную жизнь. Отсутствует научный анализ современного общества данной страны, соотношения его движущих сил; при этом на первое место в качестве главной революционной силы, как правило, ставится крестьянство. При рассмотрении проблем, связанных с дальнейшим развитием страны, речь идет не о роли классов в этом процессе, а о нации, которая считается единой политической силой. Переход к социализму, его строительство предполагается без руководящей роли рабочего класса и его марксистско-ленинской партии, делается известный акцент на этическую сторону социализма, а иногда и на религиозную идеологию.

Серьезную опасность представляют также перекосы «влево», стремление к форсированному осуществлению социалистических преобразований, для которых еще не пришло время. Здесь не обходится без пагубного влияния маоизма с его стремлением оживить мелкобуржуазный «революционаризм», толкнуть те или иные развивающиеся страны на путь внутри- и внешнеполитических авантур, усилить реакционно-националистические тенденции, привить политическим силам молодых государств бациллу антисоветизма.

Преодолевая серьезные идейные слабости, документы революционной демократии, отражающие ее социалистические теории, в целом выступают как программы революционных антиимпериалистических, антифеодалных и в определенной степени антикапиталистических реформ, иными словами, выходят за рамки обычной национально-освободительной революции, вторгаясь в отношения капиталистической собственности. В этом их большое историческое значение.

Совмещение различных идеологических и политических концепций в социалистических теориях революционной демократии, их эклектизм, конечно, не случайны. Это не просто противоречия во взглядах революционно-демократических идеологов на настоящее и будущее своих стран, а отражение сложных социальных явлений, исторических традиций, от которых зависит идейная и духовная жизнь стран, огромного влияния примитивных национальных и религиозных предрассудков. Нельзя сбрасывать со счета и воздействие буржуазной идеологии, неокониалистских концепций.

Революционно-демократические режимы не только восприняли ряд сторон социалистической идеологии

и прокламировали документы серьезного исторического значения, но и приступили к их реализации, достигнув на этом пути известных успехов. И хотя социалистические теории, содержащиеся в этих документах, не одинаковы по своей сути, равно как и осуществляются они зачастую разными методами, главное, что их объединяет, — критика капитализма, избрание социалистической цели и социалистической ориентации. Характеризуя страны, вставшие на путь некапиталистического развития, как государства, «взвзавшие курс на строительство в перспективе социалистического общества», Резолюция XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу ЦК партии отмечает, что в жизни народов этих государств «происходят важные революционно-демократические изменения».

Социалистические доктрины эволюционируют в сторону более глубокого плодотворного контакта с научным социализмом. Это процесс сложный и противоречивый, в ходе его неизбежно возникновение групп, которые, будучи не в состоянии решительно порвать с буржуазным мировоззрением, вначале усваивают лишь некоторые стороны марксистско-ленинской идеологии.

В этой связи возникает важная идейно-политическая проблема отношений между марксистами-ленинцами и революционными демократами. Большое значение в настоящее время имеет также правильное понимание революционной демократией роли коммунистических партий в революционном процессе в освободившихся странах, где сама логика борьбы за социальный прогресс требует объединения всех национально-патриотических сил, включая марксистско-ленинскую партию. Вот почему предоставление марксистско-ленинским партиям легальных прав и возможностей деятельно участвовать в общественно-политической жизни является важной предпосылкой соединения усилий марксистов-ленинцев и революционных демократов, успешного движения по некапиталистическому пути молодых национальных государств.

В этих условиях большое идейное значение имеют контакты коммунистических и рабочих партий социалистических стран с революционно-демократическими партиями. ЦК КПСС, неизменно проявляя дружеские чувства к этим партиям, укрепляет с ними идейные связи. Происходит регулярный обмен делегациями партий, взаимное изучение опыта экономического, государственного и партийного строительства, идейно-политической работы в партии и массах. На XXIV съезде КПСС присутствовало 48 представителей от 21 национально-демократической партии. Связи коммунистических партий с революционно-демократическими партиями — это принципиально новая форма политической солидарности между мировым коммунистическим движением и революционными демократами.

Таким образом, в развивающихся странах под воздействием объективно складывающихся внутренних политико-экономических условий, передовых идей марксизма-ленинизма и мировой социалистической практики происходят исторически важные идейные и политические процессы. Их наиболее ярким выражением является широкое распространение социалистических теорий, наиболее близких научному социализму, в странах некапиталистического развития. Эти теории революционно-демократического содержания отражают, в конечном счете, сложный, противоречивый, но исторически неизбежный процесс постепенного перехода идеологов крестьянских и городских мелкобуржуазных масс на сторону научного социализма.

«ПРОГРЕСС В ИСКУССТВЕ ВЫЖИМАТЬ ПОТ»

ПИСЬМО ИЗ ТОКИО

В. ХЛЫНОВ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ революция вызвала небывалый рост производительности труда в японской промышленности. К началу 1970 года она выросла по сравнению с 1965 годом в среднем на 72 процента. В таких важнейших отраслях, как металлургия, машиностроение и химия, она увеличилась в два раза и более. В 1969 году Япония вышла на второе место в капиталистическом мире по производству совокупного общественного продукта.

Возникает вопрос: в каком соотношении находится современный технический прогресс и усиление капиталистической эксплуатации?

Факты свидетельствуют о том, что основной и главной целью внедрения новой техники в условиях современного японского общества по-прежнему остается увеличение массы и нормы прибавочной стоимости, присваиваемой монополиями, то есть усиление эксплуатации рабочего класса. Японские прогрессивные ученые отмечают, что, наряду с традиционными для Японии методами, японский монополистический капитал все шире применяет новые формы эксплуатации рабочей силы в виде так называемых «научных систем организации производства», импортированных главным образом из США.

Сочетание старых и новых методов порождает качественно новые, специфические для Японии формы эксплуатации труда. В коллективной монографии, посвященной этому вопросу, японский

экономист Хироси Хасэгава, в частности, подчеркивает: «Сочетание новых американских систем контроля за трудом и старых японских методов эксплуатации трудящихся отнюдь не означает их простого «горизонтального соединения». Напротив, в конечном итоге это означает не что иное, как «японизацию» американских систем, или, иначе говоря, их дальнейшее развитие применительно к японским условиям».

Каковы же конкретно важнейшие формы и методы эксплуатации рабочего класса Японии в условиях современного научно-технического прогресса? Их можно разделить на три группы: экономические методы, различные системы контроля за трудом и идейная обработка трудящихся. Все они органически связаны между собой и дополняют друг друга.

Одним из самых распространенных экономических методов эксплуатации продолжает оставаться крайне сложная и запутанная система заработной платы. Размер зарплаты рабочих и служащих зависит не столько от количества и качества труда, сколько от пола, возраста, размера предприятия, формы найма, стажа работы на данном предприятии. При этом разница в зарплате настолько велика, что порой составляет соотношение 1 : 5. Неуклонное осуществление известного принципа «разделяй и властвуй» позволяет монополиям вносить раскол в ряды рабочего класса и экономить миллиарды нен на неоплачиваемой рабочей силе.

В последнее время все шире используются сравнительно новые для Японии потогонные системы заработной платы. Согласно «системе оплаты труда в зависимости от занимаемой должности» зарплата повышается лишь в результате перемещения на более высокую должность. Для этого периодически устраиваются своеобразные «конкурсы». «Лучшие» рабочие повышаются в должности и получают более высокую зарплату. Если во время очередного конкурса снизятся показатели и не окажешься вновь в числе «лучших», зарплата понизится. Такая система не только создает острую конкуренцию среди трудящихся, она ведет к постоянному повышению интенсивности труда как каждого отдельного рабочего, так и всех в целом. Японский экономист Сэйдзин Цудзюка пишет: «Применяемая в настоящее время в Японии система оплаты труда в зависимости от занимаемой должности, увязанная с системами оплаты рабочей силы в зависимости от возраста, стажа и тому подобное, представляет собой более изощренную по сравнению с американскими системами усиления эксплуатации трудящихся».

По-прежнему широко распространен такой метод эксплуатации пролетариата, как фактическое удлинение рабочего дня. Однако в отличие от «старых добрых времен», когда японская буржуазия могла открыто и в большинстве случаев беспрепятственно удлинять рабочее время, сейчас ввиду возросшего сопротивления рабочего класса она маскирует удлинение рабочего дня, используя сверхурочные работы. Согласно существующему в стране трудовому законодательству, рабочая неделя должна быть ограничена 48 часами. Однако, как свидетельствует даже официальная статистика, более чем на половине предприятий она значительно превышает установленные законом рамки за счет сверхурочных часов.

В последние годы все шире внедряется так называемая «система заполнения пор рабочего времени». Наряду со строгим контролем за своевре-

менным приходом рабочих в цех, она включает в себя сокращение обеденного перерыва, запрещение курения на работе, строгое наказание за потери долей секунды и даже ограничение времени пользования туалетом.

К числу экономических методов эксплуатации пролетариата относится и антирабочая политика монополий в области найма и увольнения трудящихся. В последние годы основу этой политики составляет принцип «омоложения рабочей силы». Суть его сводится к следующему. Научно-технический прогресс в условиях капиталистического развития японской экономики вызвал острую нехватку квалифицированной рабочей силы. Ее подготовка из числа уже занятых рабочих требует от монополий немало времени и значительных финансовых затрат. Поэтому монополистический капитал предпочитает «охотиться» за молодыми рабочими, и прежде всего за молодежью, оканчивающей высшие и средние учебные заведения. Более высокий общеобразовательный уровень последней позволяет в кратчайшие сроки и с наименьшими затратами подготовить квалифицированных рабочих. Несмотря на то, что спрос на такую рабочую молодежь значительно превышает предложение, при малейшей возможности монополии увольняют рабочих так называемого «среднего» и «преклонного» возраста. На многих предприятиях страны существует неписанный закон, согласно которому мужчины в возрасте 40—45 лет, а женщины 25—30 лет должны по «собственному желанию» покинуть работу. Тех, кто отказывается сделать это, под разными предлогами переводят на самые низкооплачиваемые должности и в конце концов вынуждают уйти с предприятия. Часто, увольняя сравнительно высокооплачиваемых «престарелых» рабочих, предприниматели ввиду нехватки рабочей силы тут же нанимают их обратно в качестве «временных» работников. Теперь за ту же работу они получают в лучшем случае лишь половину прежней зарплаты. В аналогичном положении находятся и работники, занятые неполную рабочую неделю. По отношению к этим двум категориям трудящихся предприниматели не несут никаких обязательств и вправе выкинуть их с производства в любую минуту.

На подавляющем большинстве предприятий фактически возрождена существовавшая до войны сеть надсмотрщиков. Специальный штат бригадиров, мастеров, начальников цехов и руководителей отделов постоянно контролирует и подгоняет работающих. На усиление и расширение этого особого вида службы монополии не жалуют средств. Самая современная техника, включая компьютерные устройства, помогает контролировать как трудовой процесс в целом, так и отдельного рабочего. Эту же цель преследуют и успешно осуществляют «патриотические» движения типа «Зэро дэффект» (полное отсутствие брака), «Кволит контрол» (контроль за качеством), «Лейбор релейшн» (контроль за профсоюзной деятельностью).

С развитием научно-технической революции все более серьезное внимание японские монополии уделяют идейной обработке трудящихся. В последние годы «наступление на умы» рабочего класса приобрело небывало широкий размах. Подчинить сознание рабочего класса своим интересам, заставить трудящихся непрерывно повышать производительность труда и тем самым добиваться еще большего увеличения прибылей —

такова основная цель идейного воздействия монополий на японский пролетариат. На подавляющем большинстве предприятий все еще широко применяются такие старые методы обработки трудящихся, как воспитание в них «любви к своему предприятию», «чувства гордости за его дела», «верности принципу компании», «бесприкословного выполнения указаний администрации». «Слово отца — закон для детей» — этот феодальный принцип японской семьи, перенесенный в промышленность в виде лозунга: «Президент — отец, рабочие — дети», все еще не снят с психологического вооружения современной монополистической буржуазии. На многих предприятиях еще и сегодня рабочий день начинается и кончается пением «гимна компании». Почти везде существуют тщательно разработанные и утвержденные руководством «принципы воспитания рабочих и служащих в духе компании».

В последние годы особое значение придается совершенствованию так называемой «индустриальной технологии»; ее основной задачей является тщательное изучение и использование в интересах монополий настроений рабочих и служащих. В стране непрерывно растет число финансируемых монополиями научно-исследовательских учреждений, занимающихся изучением этих проблем. На многих предприятиях существуют специальные психологи, дающие для работников компании бесплатные консультации по самому широкому кругу проблем, включая такие сугубо личные, как вопросы бракосочетания и супружеских отношений, планы на будущее и так далее. Определяя в ходе этих консультаций настроения рабочих и служащих, консультанты подробно информируют о них предпринимателей.

Усиленное психологическое наступление монополий на рабочий класс сопровождается широкой идеологической обработкой трудящихся. Доказать рабочим «абсурдность» классовой борьбы, «неужность» выступлений против реакционной политики монополий, воспитать в них чувство антикоммунизма и национализма, добиться их сотрудничества в осуществлении различных планов правящих кругов — таковы основные цели этой обработки. Для их достижения монополии широко используют как средства массовой пропаганды — прессу, радио, телевидение, кино, — так и существующую почти на всех предприятиях страны «систему образования и воспитания трудящихся в рамках предприятий».

В последнее время наиболее важной составной частью идейной обработки трудящихся считается пропаганда «человеческих отношений между трудом и капиталом». На многих предприятиях широко используются такие демагогические приемы, как «привлечение рабочих к управлению предприятием», «проведение в цехах откровенных бесед» с руководством компании, поздравление рабочих и служащих с днем рождения, так называемая система «нико-пон», когда предприниматель «дружески» улыбается рабочему и «по-товарищески» похлопывает его по плечу.

Прогресс науки и техники в условиях современной Японии означает, пользуясь известным выражением В. И. Ленина, «прогресс в искусстве выжимать пот». Это хорошо понимает подавляющее большинство рабочего класса Японии, решительно выступающего против антинародной политики монополий, за использование достигнутых научно-технической революции в интересах широких слоев трудящихся.

ШЕДЕВРЫ БЕЗЫМЯННЫХ МАСТЕРОВ

В. ВЕРИН

В ПОВСЕДНЕВНОЙ жизни Марокко есть одна приятная особенность, с которой сталкиваешься буквально на каждом шагу. В каждом доме, в каждой семье, будь то в городе или деревне, вы обязательно встретите подлинно художественные изделия народного творчества. Это может быть обеденный столик или сундук, поднос, медный чайник или глиняный кувшин, ковер, циновка или покрывало, праздничный национальный костюм, оружие, седло, женские украшения... В большинстве случаев исполнение отличается изяществом, чувством меры и артистизмом. Остается только удивляться, как такое могло родиться в жалкой лачуге заданного крестьянина. А ведь именно в деревне особенно стойко держатся стародавние, не поддающиеся иноземным влияниям художественные традиции марокканского народа. Трудно представить себе, что многое из того, за чем буквально охотятся знатоки, изготавливается в тесных и темных каморках и полуподвалах, где обычно селятся профессиональные ремесленники. Впрочем, вам вряд

Отрывок из книги «На марокканской земле», которая в скором времени выйдет в свет в издательстве «Мысль».

ли придет в голову назвать ремесленником искусного мастера.

Прикладное и декоративное искусство развивалось в Марокко по двум основным направлениям. Первое, более древнее, связано с берберскими традициями. Оно характерно прежде всего для деревни. Второе, более позднее, уходит своими корнями в мусульманское прошлое Иберийского полуострова, находившегося в течение нескольких веков под властью марокканских султанов. Это испано-мавританское направление получило особенно широкое распространение в городах. Творения мастеров-берберов отличаются изысканной простотой форм, строгостью рисунка, сравнительно скудным подбором красок, иногда загадочной символикой и асимметрией; испано-мавританскому стилю свойственна причудливая орнаментация, многоцветность, стремление заполнить все оказавшееся во власти мастера пространство усложненным рисунком.

Как работают марокканские ремесленники, увидеть нетрудно. Расторопный гид всегда готов проводить вас на ковровую «фабрику», которая на поверку окажется небольшой комнатой с двумя-тремя станками, или в дубильный цех, если вас не пугает неприятный запах, исходящий из

чанов, в которых мокнут шкуры. Мастерские медников и чеканщиков легко найти самому по характерному перезвону резцов, обрабатывающих металл. Двери всегда открыты: ведь только через них проникает свет в мастерскую. И вы можете часами наблюдать, как мастер превращает латунный круг в поднос, наносит с помощью циркуля и линейки схему будущего узора, а затем начинает изобретать и самый рисунок. Резчик по дереву иногда обходится без предварительного наброска, отдаваясь воле своей фантазии. Но рука его движется уверенно, и под острым ножом на гладкой доске, которая станет либо крышкой стола, либо стенкой сундука, рождается своеобразный уникальный орнамент. Стоит завернуть за угол — и вы окажетесь в царстве ювелиров или мастеров золотого шитья, гончаров или оружейников.

Шерстяные покрывала, ковры, кожаные пуфы, глиняные вазы, медные подносы, серебряные и золотые украшения можно купить на рынке в Касабланке и Рабате, Танжере и Марракеше. Но это отнюдь не значит, будто везде делают примерно одно и то же. Напротив, когда в одном месте собираются творения мастеров, разделенных десятками и сотнями километров, перед вами особенно наглядно открывается все богатство и многообразие народного творчества. Даже самая обыкновенная галабия, этот традиционный, обычно шерстяной, балахон с широкими рукавами и капюшоном, надеваемый через голову, предстанет в нескольких вариантах: снежно-белая с узором сделана в Уэззани, ее легко отличить от темной однотонной галабии из Рифа; полосатое одеяние жителей Среднего Атласа не спутаешь с коричневой галабией из верблюжьей шерсти, сшитой в Тафилалете. Разных расцветок бывают и бурнусы, которые носят иногда, чаще в холодное время года, поверх галабии. У каждого города и района есть и свои излюбленные виды ремесленного производства, на которых они специализируются.

Марокканская традиционная архитектура немыслима без народных умельцев-мастеров — резчиков по камню, мрамору, дереву или гипсу, чеканщиков, специалистов по укладке мозаики из фаянса и керамики. Мечеть и старинный торговый склад, мусульманская школа-медресе и дворец сановника буквально ошеломляют своим феерическим убранством, с трудом поддающимся описанию.